

Заработок

Су Лин замер на развилке дорог, не сводя глаз с горной тропы. Он надеялся, что вот-вот среди деревьев мелькнёт знакомый силуэт. Время от времени юноша переводил взгляд на межи рисовых полей у подножия холма, ожидая увидеть цепочку факелов — вдруг сельчане уже вышли на поиски?

Хозяин дома до белизны в костяшках сжимал в руках палку. Глядя на кроваво-красное солнце, медленно тонувшее за горным хребтом, он чувствовал, как в груди вновь заворочалась липкая тревога.

Нервы были натянуты до предела; в голове одна за другой вспыхивали жуткие картины: то раба калечит вепрь, то он соскальзывает в бездонную пропасть, то бесследно исчезает в чаще, заблудившись в сумерках. В какой-то миг Су Лин даже поймал себя на малодушной мысли: уж лучше бы этот Девятнадцатый просто сбежал.

Он метался по дороге, точно потревоженный муравей, не находя себе места от волнения. Из-за собственного тяжёлого дыхания он не сразу услышал торопливые шаги за спиной, со стороны двора.

— Чего ты здесь стоишь? — раздался резкий, встревоженный голос, который тут же смягчился, стоило говорящему увидеть юношу.

Су Лин вздрогнул. Услышав знакомый голос, он резко обернулся и увидел своего помощника, спешащего к нему.

Тяжёлый камень, давивший на сердце, наконец рухнул вниз. Но вместе с облегчением пришла и ярость — все недавние страхи, беспомощность и паника в мгновение ока переплавились в праведный гнев.

— Почему ты вернулся только сейчас?! — вскричал юноша, захлёбываясь от негодования. — Зачем ты вообще пришёл? В моих мыслях ты уже тысячу раз подох!

«А на деле — тысячу раз был оплакан»

Глядя на бледное, искажённое тревогой лицо Су Лина, Девятнадцатый ощутил, как в груди что-то болезненно и сладко сжалось. Сквозь вечерний туман он сделал осторожный шаг вперёд.

Тот, едва завидев его, вспыхнул ещё сильнее. Отшвырнув палку, он шагнул навстречу и изо всех сил толкнул мужчину в грудь.

— Уже стемнело! Даже дети знают, что пора возвращаться домой, а ты что?

Су Лин принялся осыпать плечи и руки мужчины градом ударов, вымещая всё скопившееся напряжение. Тот не шелохнулся. Он замер каменным изваянием, глядя сверху вниз на разбушевавшегося «котёнка», который пытался его исцарапать.

— Да скажи ты хоть слово! Онемел, что ли? Я что, за два лян серебра купил себе немного?!

Юноша покраснелся от злости, в его глазах предательски заблестела влага. В неверном, тающем свете заката он казался необычайно живым и трогательным, заставляя сердце биться чаще.

Видя, что его приобретение всё так же стоит столбом, Су Лин упёрся ладонями в его живот, пытаясь оттолкнуть, но мужчина был твёрд, точно скала.

— Всё! — выдохнул юноша, и в его голосе послышались слёзы. — Я требую возврата!

Веки Девятнадцатого дрогнули, кадык на мускулистой шее дёрнулся.

— Я ходил в город, — негромко произнёс он. — Продал добычу. И купил кое-что.

Су Лин замер, вскинув голову и впившись взглядом в тёмные глаза мужчины.

— Продал? Купил?

«Неужели он подстрелил кого-то и успел обернуться до города?»

Эта мысль не умерила его пыл. Юноша отвесил мужчине звонкий пинок.

— И ты не мог сказать об этом сразу?! Обязательно было заставлять меня гадать?!

Девятнадцатый только открыл рот, чтобы ответить, как снизу, от подножия холма, донёсся шум. Оба обернулись. По тропе, растянувшись цепочкой, поднимались люди с верёвками, дубинами и ещё не зажжёнными факелами. Впереди всех шагала Ши Дацин.

Су Лин смутился. Глядя на эту внушительную толпу, он понял, что многие из них только-только вернулись с полей и, даже не успев поужинать, бросились ему на подмогу. Ему стало невыносимо стыдно. Но не успел он начать оправдания, как Девятнадцатый заговорил сам.

— Третий дядя, простите за беспокойство, — звучно проговорил он. — Утром я подстрелил молодого оленя и решил поскорее отвезти его в город, пока мясо свежее. Дорога заняла

больше времени, чем я рассчитывал, вот и задержался.

Ши Дацин, увидев, что пропажа нашлась, облегчённо выдохнул и расплылся в улыбке:

— Ну, вернулся — и слава богам.

Су Лин только глазами хлопал, слушая, как этот наглец фамильярно называет его родственника «Третьим дядей». Он сердито уставился на мужчину, но со стороны это выглядело как взгляд, полный нежности и беспокойства.

— Ты впредь предупреждай, когда уходишь, — наставительно заметил Ши Дацин. — Братец Лин тут места себе не находил, в самую темень в лес собрался. Хорошо, что меня встретил, а то натерпелся бы страха в лесу один-одинёшенек.

Подумать только: хрупкий гээр в ночном лесу. От одной мысли об этом становилось жутко. Откуда только смелость взялась?

Девятнадцатый взглянул на Су Лина, который всё ещё сверлил его гневным взглядом. Скрыв за маской спокойствия бурю чувств, он почтительно кивнул Ши Дацину:

— Вы правы, Третий дядя. Впредь я буду осмотрительнее. Спасибо вам за помощь.

Мужчина отмахнулся — мол, пустяки, — и повёл людей обратно в деревню.

Когда толпа скрылась из виду, юноша вновь обернулся к рабу, испепеляя его взглядом:

— «Третий дядя»? С каких это пор он тебе дядя? Я-то думал, ты онемел, а перед чужими, гляжу, язык быстро развязался?

Ворча под нос проклятия, Су Лин направился к дому.

«Перед чужими...»

Девятнадцатый посмотрел вслед его разгневанному силуэту, и на губах его промелькнула тень улыбки. Подобрал с земли тесак и палку, он размашистым шагом последовал за хозяином.

На каменных ступенях у входа лежали покупки: какие-то овощи и завернутый в лотосовые листья цыпленок Цзяоуацзи. Судя по всему, мужчина тоже не на шутку перепугался, когда не нашёл юношу дома.

От этой мысли гнев Су Лина немного поутих, но он продолжал сохранять ледяное выражение

лица. Усевшись на ступени, он хранил величественное молчание.

Тот не стал его уговаривать. Он молча собрал покупки, достал три моркови, три яйца и пучок шпината, принимаясь за готовку.

Су Лин искоса наблюдал за его ловкими движениями. Нож в руках мужчины летал с такой скоростью, что сливался в пятно, а ритмичный стук о доску раздавался по всему двору. Юноша делал вид, что ему скучно, но в душе поражался: морковь была нашинкована так тонко и ровно, что позавидовал бы повар из лучшего заведения.

Вскоре над двором поплыл упоительный аромат каленого масла и жареного перца. Су Лин тайком сглотнул слюну и демонстративно отвернулся. Но голодный урчащий желудок не желал подчиняться гордости. Запах еды дразнил ноздри, заставляя внутренности сворачиваться в узел.

«Слишком много сил ушло на эти переживания...»

Он уже почти забыл о своей обиде, но, когда живот в очередной раз предательски заурчал, он вспомнил, что этот «деревянный чурбан» даже не извинился.

«Не буду есть»

Он упрямо отвернул голову, игнорируя протянутую чашку с рисом и овощами.

— Поешь, — тихо произнёс Девятнадцатый.

Су Лин уже набрал в грудь воздуха для резкого отказа, но желудок вновь издал громкий звук. Юноша разозлился ещё сильнее — теперь уже на самого себя.

— Не хочу! — отрезал он, не глядя на мужчину.

— Но ты голоден, — прямо заметил Девятнадцатый, глядя на его живот.

— Даже если и так, твою стряпню я есть не стану!

Тот на мгновение замер. Убрав чашку, он опустил на корточки прямо перед Су Лином и серьёзно спросил:

— Почему?

— Просто не стану, и всё!

Девятнадцатый посмотрел на еду. Последние несколько дней этот капризный «кот» всем своим видом показывал, что рыба ему опостылела, поэтому сегодня он специально купил свежих овощей. Неужели не угадал?

«Раз голоден, но не ест — значит, совсем не по вкусу»

К счастью, у него был припасён цыпленок. Он развернул лотосовые листья. Птица была ещё тёплой; густой мясной аромат, смешанный с тонким благоуханием лотоса, мгновенно заполнил всё пространство.

В животе у юноши начался настоящий бунт.

— Съешь это. Это должно тебе понравиться.

Су Лин взглянул на золотистую, сочную корочку цыплёнка. Снова сглотнул. Коротко поколебавшись и боясь, что желудок выдаст его раньше времени, он выхватил сверток из рук раба.

— Это приготовил не ты, так что я это съем.

«И впрямь не я, — подумал Девятнадцатый. — Я только купил»

Су Лин впился зубами в нежное мясо и, жуя, властно добавил:

— То, что ты купил — тоже моё. Всё твоё — принадлежит мне.

Мужчина на миг затаил дыхание.

— Всё моё — твоё, — серьёзно подтвердил он.

Юноша, получив признание своей власти, принялся за еду с удвоенным аппетитом. Его глаза засияли довольством, а недавняя хмурость почти исчезла. Но, съев половину, он вдруг остановился.

Посмотрев на мужчину, который всё ещё сидел на корточках перед ним, Су Лин подумал, что всё же стоит поделиться.

— На, — он протянул кусок. — Это тебе награда.

Тот подставил свою миску. Глядя на юношу, который ел с таким наслаждением, он невольно залюбовался им, едва сдерживая желание самому покормить его с палочек. Но он так и

остался сидеть неподвижно, лишь крепче сжав палочки.

— Чего не ешь? Не проголодался? — Су Лин заметил, что тот не спешит приступать к трапезе.

— Да нет, не сильно.

Девятнадцатый отложил палочки и присел на ступень рядом. Впервые они сидели так близко, плечом к плечу. Юноша не отодвинулся — то ли привык, то ли просто слишком увлёкся едой.

Когда с ужином было покончено, над горами уже высоко поднялась луна. Мужчина убрал посуду. Су Лин сидел на пороге, потирая живот — от голода он набросился на еду слишком рьяно, и теперь ощущал тяжесть. Он лениво пробормотал, что, будь двор вымощен галькой, а не утоптанной землёй, можно было бы совершить прогулку.

В этот момент перед ним появилась открытая ладонь. В лунном свете на ней тускло заблестело несколько обломков серебра.

— Вот, — сказал Девятнадцатый.

Юноша замер. Присмотревшись к металлу, он поднял взгляд на мужчину:

— Это за оленя?

— Да.

Су Лин с детства привык иметь дело с деньгами и по весу сразу определил — там было не меньше двух-трёх лянов. Но, глядя на это подношение, он вспомнил, как этот человек молча ушёл в город, заставив его сходить с ума от тревоги. Характер юноши был переменчив, точно весенний ветер.

Он резким жестом оттолкнул руку с серебром.

— Думаешь, пара кусков серебра искупят твою вину?

Мужчина оцепенел. Он медленно убрал руку, глядя на вновь вспыхнувшее гневом лицо Су Лина. Помолчав, он негромко произнёс:

— Я не думал, что ты будешь так... переживать за меня.

Тот тут же оцетинился:

— Кто за тебя переживал?! Я за свои два ляна переживал!

Девятнадцатый послушно кивнул и снова протянул ладонь:

— Здесь два ляна и пять цяней.

Су Лин едва не задохнулся от ярости.

— Да кому сдались твои несчастные монеты?!

— Но ты ведь сам сказал — два ляна? — растерянно переспросил мужчина.

Юноша в сердцах отвернулся, не желая больше слушать этого тугодума. Тот помолчал ещё немного, глядя на его спину, и вдруг тихо произнёс:

— Значит, под двумя лянами ты имел в виду... меня?

— А кого ещё?! Кто ещё здесь куплен за два ляна?!

В глазах Девятнадцатого промелькнула едва заметная улыбка.

— Значит, ты всё-таки переживал за меня.

— За свои деньги я переживал! Не смей мнить о себе лишнего!

— Я и есть эти деньги. Значит — за меня.

Су Лин замолчал, чувствуя, что силы его на исходе. Он мог переспорить полдеревни, но перед этим «бревном» чувствовал себя совершенно беспомощным.

Видя, что хозяин понурил голову, Девятнадцатый осторожно добавил:

— Утром, когда я вернулся, ты ещё спал. Я оставил тесак и палку на ступенях и ушёл. Я думал... ты поймёшь, что я возвращался.

Он и представить не мог, что этот колючий «ёжик», который всегда сторонился его, будет так из-за него убиваться.

— О, так ты считаешь, что я должен был догадаться? Хочешь сказать, я недостаточно

сообразителен, чтобы разгадать твои тайные знаки?!

— Нет, что ты, — мужчина даже растерялся.

— А что тогда?! — Су Лин наступал, решив во что бы то ни стало дожать его.

Тот покачал головой:

— Я совсем не то хотел сказать.

— А что?!

Глядя в эти пылающие гневом глаза, Девятнадцатый вдруг ощутил странное прозрение.

— Я был не прав, — твёрдо произнёс он.

— О! Наконец-то дошло! — юноша приосанился, чувствуя своё превосходство. — И в чём же твоя вина?

— Отныне, уходя, я всегда буду предупреждать, — ответил мужчина.

— А ещё?

Тот мельком взглянул на Су Лина и низким, чуть неуверенным голосом добавил:

— И буду спрашивать твоего позволения.

— Вот это уже лучше, — юноша наконец сменил гнев на милость. — Помни: я твой хозяин. Всё, что у тебя есть — моё.

С этими словами он требовательно протянул ладонь и поманил пальцами.

Мужчина на миг замер от изумления, но быстро оправился. Поколебавшись, он наклонился и... подставил под его пальцы свой подбородок.

Су Лин не выдержал и прыснул со смеху:

— Дурак! Кто собрался чесать твою колючую физиономию? Сяо Хэй и то мягче!

— Деньги давай! — он снова пошевелил пальцами. — Твоё — это моё. И серебро тоже пойдёт в казну.

Девятнадцатый, словно с каким-то тайным сожалением, опустил голову и бережно вложил серебро в эту тёплую, нежную ладонь.

Девятнадцатый, прищурившись, смотрит на Сяо Хэя:

«Я что, даже с тобой сравниться не могу?»

Сяо Хэй с настороженным видом:

«Прочь! Прочь! Прочь!»

<http://bllate.org/book/15320/1354530>